

18+

ПЕСНЬ КРОВИ

*Под небом Лондона их страсть была столь же запретна,
сколь и неизбежна.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виола Эжесон

18+

Viola Jackson

Песнь Крови

<https://litres.ru/74270513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он следит за демонами. Она скрывается от собственного голоса. Но в Лондоне, где под шумом дождя просыпается нечто древнее, их судьбы сплетаются в кровавую песнь.

Эйден Мортвель, полудемон, привык гасить в себе внутренний огонь скоростью мотоцикла и звоном бокалов в баре. Его мир - это приказы из Преисподней, разборки с нерадивым демоническим молодняком и вечный холод стали в душе.

Мэйв Келлан, рыжая сирота с язвительным языком, боится собственного дара. Её песня - это оружие, а тишина - единственная защита от прошлого и тех, кто идёт по её следу.

Когда в городе начинают исчезать люди, их пути пересекаются. Между колкостями в кафе и случайными встречами на ночных гонках проскакивает искра, грозящая разжечь пожар. Чтобы противостоять древней угрозе, Эйдену придётся заглянуть в бездну внутри себя, а Мэйв - издать звук, который может всё разрушить. Потому что иногда, чтобы спасти мир, нужно рискнуть его разорвать.

Содержание

Плейлист	4
Предисловие	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Viola Jackson

Песнь Крови

Плейлист

1. Halsey — Control
2. Daughter — Youth
3. London Grammar — Nightcall
4. Woodkid — Run Boy Run
5. AURORA — Runaway
6. Banks — Waiting Game
7. Zola Jesus — Skin
8. Arctic Lake — Limits
9. Klergy & Valerie Broussard — Start a War
10. Ruelle — Madness
11. Sevdaliza — Human 1
2. KALEO — Way Down We Go
13. Cigarettes After Sex — Apocalypse
14. Nothing But Thieves — Lover, Please Stay
15. Florence + The Machine — No Light, No Light
16. Freya Ridings — Ultraviolet
17. RagnBone Man — Lay My Body Down
18. AURORA — The Seed
19. Tommee Profitt ft. Fleurie — Let You Down

- 20. UNSECRET ft. Ruelle — Wake Me Up
- 21. Florence + The Machine — Heavy In Your Arms
- 22. Sleeping at Last — Saturn
- 23. Lana Del Rey — Dark Paradise
- 24. Hozier — Take Me to Church

Предисловие

Некоторые тайны стоит хранить в темноте. Я нарушил это правило. Теперь тени шепчут мое имя. И я должен рассказать эту историю. Начну с конца: это всё — моя вина. Счастливых концовок не существует

Пролог

Лондонский дождь стирал границы. Он не падал, а висел в воздухе ледяной пылью, пропитывая всё: сырую землю, кору вековых деревьев, кожу. Лес на окраине города был не местом для жизни, а промежутком, лоскутом тьмы, зашитым в подкладку реальности. Его шаги не оставляли следов. Крепкий, с плечами, натянувшими мокрую ткань куртки, он двигался сквозь чащу с нечеловеческой уверенностью. На его плече, безвольно свесившись, лежала девушка. Темные пряди, выбившиеся из-под капюшона, мерцали в темноте тусклой медью. Она была жива. Её грудная клетка сладко и предательски поднималась, прижимаясь к его спине. Он шёл к Большому Дубу. Не к дереву, а к алтарю. Его кора, покрытая морщинами-шрамами и лишайниками, напоминала кожу древнего исполина. Здесь было тихо. Даже дождь затихал, ударяясь о плотный навес листвы. Мужчина грузно опустил ношу на ковёр из прошлогодней листвы и мха. Девушка слабо застонала, веки её дрогнули, но сознание ещё цеплялось за спасительную глубину. Он не торопился. Методично, почти заботливо, расстегнул её дождевик, стащил с неё промокший свитер, джинсы, всё до последней нитки. Холодный воздух обжёг её кожу, покрытую мурашками. Она заворочалась сквозь сон, пытаясь инстинктивно сжаться в комок. И-

менно тогда её глаза открылись. Широко, в ужасе, который пробился сквозь пелену транквилизатора. Она попыталась вскрикнуть, но из горла вырвался лишь хриплый выдох. Он присел на корточки, его лицо оказалось в сантиметрах от её. Жёсткое, скуластое, с глазами цвета мокрого асфальта. В них не было ни злобы, ни удовольствия. Только холодная, всепоглощающая сосредоточенность.— Тише, птичка, — его голос был низким, бархатным, чудовищно спокойным. Он взял из рюкзака бобину крепкого армированного скотча. Отмотал отрезок с резким, рвущим тишину звуком. Прижал ладонью её голову к земле, к холодным корням. Она забилась, её босые ноги скользили по грязи, пальцы впивались в перегной. Скотч лёг на её губы, сначала одна полоса, затем вторая, накрепко, навсегда запирая внутри любой звук. Слезы хлынули из её глаз, смешиваясь с дождём и грязью на щеках. Затем он взял верёвку. Не грубую, а прочную, эластичную, альпинистскую. Петля на правой лодыжке, несколько витков, узел. Левая лодыжка. Запаять. Он связывал её не как трофей, а как материал. Аккуратно, чтобы не повредить раньше времени. Его прикосновения стали другими, когда он разделся сам. Уже не методичными, а изучающими. Он водил ладонями по её бёдрам, животу, груди, как будто читая карту неизвестной земли. Она вся дрожала, и эта дрожь, казалось, лишь разжигала в нём холодный, мертвенный огонь. Он вошёл в неё без прелюдии, с одним резким, разрывающим толчком. Её тело вздрогнуло, подавшись навстречу боли. В глазах, полных

слёз и немного крика, отражалось небо — низкое, свинцовое, безразличное. Он занимался ею молча, ритмично, с той же сосредоточенностью, с какой позже будет выполнять основную работу. Его дыхание учащалось, но лицо оставалось каменной маской. Он искал в её страхе, в её унижении, в самой плоти что-то... отклик. Искру. Но находил лишь податливую, сжимающуюся вокруг него плоть и всепоглощающий ужас. В финале он издал короткий, сдавленный звук, больше похожий на стон разочарования, чем на наслаждение. Откатившись от неё, он снова стал собран. Деловито поднял её на дрожащих ногах, приволок к дубу. Прижал её спину к шершавой коре, обхватывающей ствол, как рёбра. Правое запястье. Он достал длинный гвоздь с широкой шляпкой и молоток. Звук первого удара был тупым и влажным. Гвоздь вошёл между лучевой и локтевой костью. Тело девушки выгнулось в немой агонии, глаза закатились. Левый гвоздь вонзился быстрее. Теперь она висела на дереве, раскинув руки, обнажённая, пригвождённая. Живая икона страдания. Только теперь он достал нож. Не тесак мясника, а тонкий, острый как бритва скальпель с костяной рукоятью. Он провёл лезвием по её ключице, оставляя тонкую алую нить. Кожа там была нежной, почти прозрачной. Кончик ножа вошёл глубже, поддел, сделал аккуратный надрез. И началась самая долгая часть. Он снимал кожу. Не всю. Лоскут. С плеча, переходя на грудную клетку. Медленно, с хирургической точностью, отделяя верхний слой от мышц, которые подрагива-

ли и сокращались. Кровь текла не фонтаном, а сочилась, густая и тёплая, окрашивая ребра, стекая по животу, смешиваясь с грязью и семенем у её ног. Боль вытащила её из полубморочного состояния в чистый, кристальный ад. Её тело билось в конвульсиях, гвозди хрустели в костях. Звук, который она пыталась издать сквозь скотч, был похож на KloKOTание кипящей воды в заварочном чайнике. Когда лоскут, размером с мужскую ладонь, отделился и повис, он отложил скальпель. Взял другой нож — с коротким, широким лезвием. Подошёл вплотную. Его дыхание теперь было горячим, в нём наконец-то проступил интерес, почти нежность. Он отклеил скотч с её рта одним резким движением. Она успела сделать один судорожный вдох, наполненный предсмертным хрипом. — Спой для меня, — шепнул он. И провёл лезвием по её горлу. Не пилил, а совершил один глубокий, уверенный разрез от уха до уха. Алый рот распахнулся ниже её рта настоящего. Песнь, которую она так и не смогла издать, выплеснулась наружу тихим булькающим всплеском, затем превратилась в ровный, шипящий шепот выходящего воздуха. Он отступил на шаг. Смотрел. Смотрел, как жизнь покидает её глаза, стекленея, отражая теперь только лесную темень. Смотрел, как тело окончательно обвисает на гвоздях, превращаясь из существа в вещь, в композицию. Кровь стекала по коре дуба тёмными, почти чёрными ручьями, впитываясь в землю у его корней. Дождь начал смывать алые подтёки с её груди и бёдер, делая картину более чистой, более

вечной. Он долго стоял, любуясь. В его асфальтовых глазах что-то шевельнулось. Не раскаяние. Не торжество. Скорее, эстетическое удовлетворение. И глубокая, ненасытная тоска. Потому что ни её страх, ни её боль, ни сама её смерть не дали ему того, чего он жаждал. Они не разбудили в нём эхо. Не заставили его кровь петь. Собрав инструменты и тщательно вытерев руки о мох, он в последний раз окинул взглядом своё творение. Потом повернулся и растворился во мгле, идущей на смену дождю. А в Лондоне, под шум воды, стекающей в канализацию, что-то древнее... пошевелилось. Оно почуяло этот зов. Этот примитивный, кровавый гимн. И оно потянулось к его источнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.